

■ В Вологде, в коридоре магазина, обнаружен труп человека с колотым ранением в левый бок.
 ■ В Нюксенском районе, в подвале дома, найден труп пенсионера с колото-резаной раной горла. По подозрению задержана ранее судимая гражданка.

■ В Череповецкую горбольницу с открытой черепно-мозговой травмой доставлена женщина.
 ■ В Тарногском районе, в общежитии, рабочий пытался изнасиловать девушку.
 ■ В Череповце грабитель под угрозой газового пистолета забрал у продавца киоска полтора миллиона рублей.

■ В вологодскую квартиру вломилась трое неизвестных в масках и, угрожая обрезом, ограбили хозяйку и ее гостей на девять с лишним миллионов рублей.
 ■ В ходе попойки вологжанин избил "друга" и забрал у него шапку.
 ■ Из квартиры утащили вещей на три миллиона рублей. А из другой - на миллион триста три-

дцать тысяч.
 ■ В Вожегодском районе из храма совершена кража церковной утвари на восемь миллионов рублей.
 ■ В Череповце, со строящегося объекта, неустановленными лицами украдено восемьдесят метров кабеля и шесть тонн арматуры.

ВОЙНА И МИР

Ушедший 1995-й год был наполнен событиями, главными из которых стали те, что связаны с полувековым юбилеем окончания самой кровопролитной, второй мировой войны, в России - с 50-летием победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. пышные торжества, военные парады, открытые мемориалы не отвлекли внимание живущих в разных странах людей от потребности осмыслить пережитое, извлечь из него уроки, определить достойные перспективы. Особой отдельной темой внутри общепланетарного процесса стали взаимоотношения двух великих держав - России и Германии, их народов, обретающих в контактах новый опыт понимания и прощения.

На Западе любят определять "человека года". На это непривычное звание у нас на Вологодчине в этом году вполне мог бы претендовать профессор Валерий СУДАКОВ (на фото), в течение восьми лет возглавлявший работу большого коллектива людей по созданию областной "Книги Памяти" - акции беспрецедентной, успешное завершение которой дает нам право считать себя исполнившими свой долг памяти перед павшими земляками. Свообразным признанием его заслуг стало и приглашение принять участие в конференции "Когда рушатся границы", что проходила 17-18 июня в Гамбурге, в Германии.

Когда рушатся границы

- Валерий Васильевич, что для вас было особенно важным в ушедшем 1995 году?
 - В 95-м и в предшествующие ему несколько последних лет появилась уникальная возможность посмотреть на себя со стороны через то окно в Европу, которое прорубил когда-то Петр. В массовом порядке, мы смогли увидеть себя глазами иностранцев и своими собственными глазами, смотрящими оттуда, и, сравнив условия, убедиться, что кое в чем мы чрезвычайно отстали. За эти пять лет и в предыдущие десятилетия мы имели большие достижения, но очень жаль нереализованных возможностей. Когда до 1985 года уходили из жизни поколения участников войны, кто-то бросил фразу: "Они счастливы, что не увидели событий, последовавших за 85-м". Но к этому нельзя подходить односторонне. Они были счастливы в своем неведении. А если б ведали, ощущали бы себя счастливыми или нет? Полагаю, они сожалели бы, что прожили десятилетия так, как прожили. Я имею в виду именно нереализованные возможности этих поколений и всего народа.
 - Попробую перебить вас. На долю этих поколений выпала историческая миссия, они - победители в Великой Отечественной и второй мировой войне. Разве это как-то не купит отнятое у них в гражданском, человеческом плане?
 - Дело в том, что мы судим обо всем задним числом. Мы такой возможностью располагаем, а у них она исчезла с их жизнью, их уходом. Любое поколение, которое живет на свете, себя несчастным не ощущает.

Взгляды с разных сторон

Да, на их долю выпала великая миссия - отразить нашествие на державу, и они справились с ней. Больше на протяжении XX столетия никто уже не сподобился такой миссии.
 - Юбилейный год как-то подправил ваше отношение к поколению победителей?
 - За счет знакомства с огромным количеством документального материала, огромного количества встреч и самых разных впечатлений внутри страны и за ее пределами, я еще раз убедился в величии этого поколения, в величии того, что мы связываем с 9 мая 1945 года. Эта дата не может потускнеть, что бы ни происходило сейчас и позже. Здравый смысл всегда будет поворачивать людей к этой дате, потому что если что-то великое, значимое, достойное человека есть в нас сегодня, мы наследуем это оттуда. И недостает нам того, чем так щедро были наделены они: любви к Родине, трудолюбия, уважения друг к другу...
 - ...терпимости.
 - Терпимости. Нам нужно возвращаться к истокам, к тому, чем Победа эта была обусловлена.
 - Вы сказали: наследуем, - и я подумала: а наследуем ли? Вы работаете с теми, кто преподает, с учителями, они - с более молодыми поколениями. Можно ли их наследниками назвать? В отношении к Победе я чувствую очень широкий спектр оттенков: от стыдливости до откровенного цинизма в утверждении: "А что плохого, если б Гитлер победил? На 50 лет раньше цивилизованными бы стали".
 - Вопрос о наследовании очень непрост. Можно оказаться наследниками по времени, но не по содержанию. Я думаю, таких примеров сколько угодно. Мы сталкиваемся с прямым отказом от наследия, со стыдливостью по поводу того, что, будучи державой-победительницей, живем беднее побежденных. В этом году я встречался с группой молодых немцев, прибывших сюда. Они задали мне вопрос, на который пришлось очень обстоятельно отвечать: "Почему вы, победители, так живете?" Пришлось объяснять, что 22 июня 1941 года мы вас в гости не звали. Вы были непрошеными гостями. После вас у нас остались разрушенными 1710 городов, 70000 деревень, и ваше гостевание очень дорого нам обошлось.
 В части наследования я совершенно убежден в том, что в конечном счете любое поколение, и ныне живущее, и последующие, будут стремиться ощутить себя потомками победителей. Есть неистребимое, живучее для всех поколений ощущение, что история все равно дорога нам, ибо это наша история. И не только победы, но и поражения в этой истории нас одинаково затрагивают. Затрагивают народ как целое. В единичном измерении мы можем впасть в истерику, односторонне толковать историю, но народ в целом в своих оценках мудр, народ не ошибается. Убедиться в этом я смог на презентациях "Книги Памяти". Никто не давал ей более взвешенной оценки, чем очень простые, бесхитростные люди. Они не задумывались о своих суждениях, они просто вынимали их из сердца.
 - В этом году у вас была возможность много ездить по России и посмотреть на Россию из Германии. Две эти великие державы самим фактом своего взаимодействия определили историю XX века. Что определяет наши взаимоотношения сейчас - недоверие, страх, желание сотрудничать?
 - Я благодарен судьбе за то, что пережил нынешний 1995-й - не в смысле прожил, а пережил в смысле того богатства впечатлений, ощущений, что дали возможность оценить совершенное 50 лет назад.
 Что касается Германии, там ошущима разница во взглядах разных поколений. Молодежь - не то что устраняется от этого, она просто живет другими вопросами, другими интересами, собственным неболь-

шим социальным опытом. Как, впрочем, и наша молодежь. И высказывать упреки по этому поводу просто бессмысленно - надо принимать как факт. Но чем больше у людей социального опыта, тем дороже им то, что они прожили и пережили. У немцев и у русских меня вдохновило одно общее обстоятельство. Очень многих людей по-настоящему объединяет то, что они не отказываются от истории. Но они желают перенести в настоящее, передать по наследству только то, что может объединять людей, объединять народы.
 - А что конкретно может объединять нас сегодня?
 - Да очень многое, скажем, отношение к захоронениям. Зачем понадобилось участнику войны из Вожеги Кольцову обращаться в областную Администрацию с предложением по уходу за могилами немецких военнопленных? В то же самое время, здесь, в этом кабинете, бывший военнопленный, находившийся в лагере под Грязовцем, неоднократно прослезился, вспоминая крестьянку Петровну, что навещала их и приносила им, недоедавшим, кусок хлеба, а ведь и сама голодная была!
 На конференции "Когда рушатся границы" в Гамбурге я выступил с докладом о пребывании иностранных военнопленных в Вологодской области в 40-е годы, который вызвал большой интерес у немецких ученых, занимающихся историей второй мировой войны, в такой интерпретации, в постановке со стороны русских. Это вызвало волну огромной благодарности за то, что русские по своей инициативе подняли проблему отношения к захоронениям, увековечения памяти, поиска следов как будто бы пропавших без вести, которых не десятки, а сотни и тысячи. После моего выступления подошло много немцев, желавших узнать, как им быть, если место захоронения до сих пор неизвестно? Эта череда немцев напомнила мне лица вологодских крестьянок, которые подошли с этими же вопросами. И я сделал вывод, что народ с народом войну не ведет, народ вынужден участвовать в войнах по той причине, что те, кто его туда посылают, пытаются управлять обществом, не находя реальной или реалистической программы взаимодействия с другим государством. Неумение вести диалог со стороны правителей приводит к тому, что народ оказывается жертвой войны. Но я хочу подчеркнуть, что в самом народе изначально нет, не заложено намерения вести войну против другого народа. Это касается не только XX столетия, такого факта не найдем на всем протяжении человеческой истории. Значит, из прошлого нужно вычлнять сегодня те проблемы, что способны оплодотворить отношения между государствами и народами, продвинуть общество вперед, для других целей не надо обращаться к прошлому.
 - Что для вас оказалось самым важным на этой конференции?
 - Порадовал широкий спектр обсуждаемых проблем в течение этого, 26-го по счету Церковного дня, который проводится в рамках евангелической церкви и является, вообще говоря, всегерманским форумом, призванным консолидировать нацию. И думается, это очень правильно, что найдена такая форма общения нации. На эту встречу в Гамбург (с населением в 1 миллион 600 тысяч) съехалось 130 тысяч жителей со всей Германии. Меня порадовало, что было очень много молодежи на наших дискуссиях.
 - А увеселений, народных празднеств не было?
 - Был целый комплекс мероприятий: молодежные встречи фестивального типа, концерты, выступления уличных фигляров, нация жила этим. Как объяснили мне руководители оргкомитета, они готовят этот праздник два года.

Личная история Зигфрида Хаккельберга

Этот 80-летний немец (на фото), книгоиздатель из городка Вермельскирхен, провел в плену на территории нашей области несколько трудных мучительных лет. Все последующие годы жил мечтой снова оказаться в этих местах. Не разрешали. Приехал, когда впервые стало возможно - в мае 1995-го. Поехал в Грязовец, бродил в Корнелие-Комельском монастыре, где был лагерь, встречался со старушками, что не помнили его, но помнили о военнопленных. Обсуждал возможность конкретной, целевой помощи Грязовцу с главой администрации Владимиром Чирковым. И оставил историю своих личных взаимоотношений с Россией, переведенную Ниной Кузмич, - "РУССКИЕ И Я".
 Публикуем отрывки.

- Ради одного дня?
 - Ради недели; день - название условное. В течение этой недели проходило несколько конференций по широкому кругу проблем их нынешней жизни, и мне показалось, что правительство Германии может извлечь из этого большую пользу. Дискуссии между немцами принимали иногда очень острый характер, но велись корректно, и можно было восхищаться их терпимостью к диаметральному точкам зрения.
 - А нас в Германии жалеют? Есть оттенок снисходительности, как к бедным?
 - Это, пожалуй, мне удалось почувствовать во всей глубине. Я, естественно, не общался с германским канцлером, но в общении с многими немцами уловил оттенок сожаления по поводу того, что такой великий народ с такими великими возможностями, огромным природным и экономическим потенциалом, является сегодня неравным партнером в вопросах прежде всего экономических. Судите сами, меня пригласили выступить на конференции, оплачивали проезд и мое пребывание там сами немцы. Их сожаление переключается с нашей самооценкой по поводу собственных нереализованных возможностей. О чем еще нам жалеть в конце XX столетия? О том, что наша страна - наш народ мог бы прожить другую жизнь и иметь другую общественную реальность, не ту, что имеет сейчас.
 - А оттенок сожаления, стыда, что 50 лет назад они выступили агрессорами, принесли горе в другую страну, вы не уловили там?
 - Уловил, уловил. Это было явно. Молодые, естественно, не чувствуют этой вины, но и они не свободны от своей истории. Помните, как плакал здесь немец, рассказывая о своем посещении Ленинграда в 1984 году? Когда гид вел рассказ о том, как методически уничтожался великий город, он стремился становиться все меньше и меньше, вжаться в кресло и стать незаметным. Этот груз давил его, и только когда ему посчастливилось участвовать в оказании гуманитарной помощи, он распрямился, ему стало немножко легче. Личная вина может быть разной, но факт остается фактом: эту вину германская нация продолжает ощущать, и это хорошее, здоровое чувство. Не ощущать ее в себе значило бы недооценивать себя как нацию.

Выросшие в небольшом горном городке земли Рейнланд, мы были очень консервативными. Отца я потерял в 1918 году. Мать воспитывала меня в строгом христианском и немецко-национальном духе. Она никогда не забывала напомнить мне 18 января о дне основания империи, а 27 января - о дне рождения кайзера. Хотя мы и были республиканцами, но не добровольно.
 Английская оккупационная власть после первой мировой войны не старалась успокоить побежденных немцев, наоборот, ежедневные унижения были огромны и вызвали ненависть, которая, будучи отличной питательной средой, привела к злосчастной внезапной победе правых на выборах 1933 года и приходу к власти Гитлера.
 Этот неблагоприятный климат настолько влиял на все разговоры взрослых, что не остался незамеченным и для детей 1922-26 годов. 16 апреля 1922 года Германия и Россия взаимно отказались в соответствии с Ропальским договором от репарационных платежей. Это вызвало скандал у западных союзников, и они едва

■ В Череповецком районе, со зверофермы, украдено тридцать две шкурки песца на сумму девять миллионов, шестьсот тысяч рублей.

■ В Череповце, в подвале дома, обнаружен труп неустановленно-

го мужчины без видимых признаков насильственной смерти.

■ В Междуреченском районе нетрезвый тракторист наехал на человека, с которым предварительно поспорился и который в больнице скончался.

■ В Вологде произошел пожар. В огне погибли три человека, личности которых устанавливаются.

Причина - неосторожное обращение с огнем.

■ В Вологде при расчете за товар продавцом коммерческого ларька обнаружена поддельная купюра достоинством сто тысяч рублей.

■ В одном из вологодских банков хотели обменять фальшивые сто немецких марок.

■ Ушел из дома и не вернулся

пенсионер.

■ В Сокольском районе задержан гражданин, на почве ревности избивший сожительницу, которая от полученных травм скончалась на месте. Оба были в нетрезвом состоянии.

ВОЙНА И МИР

сдерживали свой гнев. А Германия и Россия, проигравшие тогда войну, не могли и не хотели скрывать ликования, вызванного их совместным удавшимся ударом. Еще сегодня, спустя 70 лет, я вспоминаю о том теплом чувстве благодарности, которое коммунистические русские вызывали у всех немцев, от левых до правых.

В политически бурные 20-е годы вести из России чередовались, как плохой горячий и холодный душ. Сначала ужасные сообщения о запланированном голоде на Украине, где Сталин уничтожил кулаков; об ужасном обращении с ордами беспризорных детей. Затем передаваемые шепотом известия о дружбе солдат здесь и там, что позволило "рейхсверу" создать и апробировать на учебных плацах на просторах России такие танки, самолеты и другие новые виды оружия, которые согласно Версальскому договору были нам запрещены. Об этом сегодня не любят говорить.

Я уже не знаю, когда это началось, что мы стали разделять русских и коммунистов. Мы жалели русских, которых притесняли коммунисты.

Время с конца 20-х до конца 30-х годов было для меня большим временем русской литературы. Я запомнил читал Эдвина Эриха Двингера - "Армия за колючей проволокой", "Между белыми и красными". Я страдал вместе с белыми, сердился на красных за их жестокость, со стороны тех и других заглядывал в русскую душу, безграничную в радости и печали. И у Достоевского душа говорит в его книгах. В "Бесах" после демонической неразберихи наступает возвышенное чувство, когда старый Степан Трофимович выходит на большую дорогу "искать Россию". В "Братьях Карамазовых" меня до сих пор волнует встреча воскресшего Иисуса Христа и 90-летнего кардинала - ве-

РУССКИЕ И Я

ликого инквизитора, когда последний пытается объяснить ГОСПОДУ, что не надо было воскресать через 1500 лет, будить мертвых и отпускать грехи. А в русском плену, в Грязовце, я с большим удовольствием прочитал "Героя нашего времени" Лермонтова.

Моя историческая любознательность была удовлетворена при чтении произведений графа Льва Толстого. С удовольствием я прочитал бы еще раз "Войну и мир"... Впрочем, когда я писал эти строки и снова листал Толстого, я неожиданно натолкнулся на нечто сверхактуальное. В "Казаках" Оленин, которому надоело петербургское общество, отправился на Кавказ. Там он жил у казаков в ауле на берегу Терека. Казаки охраняли русскую границу от многочисленных набегов жившего по ту сторону реки магометанского горного народа чеченцев. Чеченцы устраивали разбойничьи набеги на чужую область и крали в первую очередь

лошадей. Несмотря на всю враждебность к противникам, казаки уважали их храбрость, в то время как последние испытывали к чуждым им по своей сути русским только презрение. Очень актуально!

...Потом началась ужасная война, в которой противостояли два мировоззрения и где, тем не менее, были ситуации человечности.

... Это произошло в 1943 году на Украине во время одного из многих отступлений. Случайно я оказался в поезде, который был введен в бой для обеспечения флангов и который потерял связь из-за ночной темноты. После долгих блужданий и неоднократных соприкосновений с противником утром мы, совершенно измученные, оказались в лесу. Я разрешил солдатам сделать привал, а сам со снятым с предохранителя пистолетом в руке пошел осмотреть округу. На небольшой просеке я оказался вдруг лицом к лицу с русским, который тоже держал в руке взведенный

пистолет. Секунды мы неподвижно смотрели друг на друга, затем оба опустили пистолеты, развернулись и боялись выстрела в спину. Но он не прозвучал. Это были самые долгие секунды в моей жизни. До сих пор я испытываю очень дружеские чувства к этому незнакомому русскому.

...Когда я был захвачен в плен (18.09.1944), к нам пришел казак, вежливо поздоровался и приказал санитару обработать мои раны. Это был великодушный жест великодушного победителя.

Тринадцатидневная транспортировка нас в канун Рождества и Нового года 1944/1945 в товарном вагоне из г. Шахты (Украина) в Грязовец была для нас страшным мучением. Еда по дороге состояла лишь из соленой селедки. Солдат, сопровождавший нас, видел наши мучения, видел, что мы сбиваем лед с железа в вагоне, чтобы смочить языки. Во время коротких стоянок на товарных станциях он выбегал на вокзал, чтобы принести для более чем 30 немецких военнопленных в небольших сосудах ледяную воду.

В заключение я хотел бы еще упомянуть о сержанте, который уличил молодого лейтенанта Барча и меня, когда мы хотели второй раз сдать уже сданные 6 кубометров дров. Он приказал нам подойти к костру, прислал наши фамилии и написал в своей записной книжке рапорт о саботаже нами пятилетнего плана. Следствием этого мог бы стать военный суд. Когда же сержант потом с упреком сказал нам: "Если бы вы не напали на Россию, ничего бы этого не случилось", - я возразил: "Ты начинал войну?" Он сказал возмущенно: "Нет!" - "И я тоже не начинал войну!" Сержант

немного подумал, потом разорвал бумагу с рапортом и скрутил из нее папиросу. Да и нам он тоже дал мажорки и бумагу. Я был бы счастлив, если бы мог снова увидеть этого человека. Но я не знаю его имени, а прошло уже 50 лет.

Военнопленные, которым предстояла отправка на родину, собрались 20 или 21 июня 1948 года на последнюю проверку. Комендант лагеря обратился к нам с прощальной речью, в которой он говорил о дружбе. Он сказал: "Если бы, русские, и вы, немцы, будем держаться вместе, то мы можем основательно изменить мир". Мы, пожалуй, поверили ему в этом, но мы ничего не хотели, мы ничего не хотели менять, мы просто хотели домой и хотели строить будущее. Мы работали и работали. Не 35 часов в неделю, не 40 часов, 48 часов значилось на бумаге, а обычно это было 60 и 70 часов...

В Европе говорили о немецком экономическом чуде. Наряду с этим мы все свои силы отдавали для Европы. То, что начали Аденауэр и де Голль в мудром предвидении, немцы и французы продолжили с редким единодушием и убежденностью. К сожалению, между Советским Союзом и Западом тогда все еще царила "холодная война". Затем русский, Михаил Сергеевич Горбачев, предвидя дальнейшее развитие и проявив огромное мужество, способствовал объединению двух германских государств. Даже наши друзья, французы, не нашли в себе мужества для такого решения, а англичане вернули бы сегодня все назад...

Зигфрид ХАККЕЛЬБЕРТ.

Грязовец, лагерь военнопленных

Мы после юбилея

- Валерий Васильевич, вернемся к здоровому, трезвому отношению к себе, своему прошлому и настоящему. Как вам кажется, ощущать гордость за поколение дедов и отцов, победителей великой войны - свойство здоровой нации?

- Это чувство, безусловно, плодотворное для нас.

- Вы были на чужом, объединяющем другую великую нацию празднике. Не приходило вам в голову, что могло бы объединить в нынешней России всех? Ведь все, старые и молодые, страдают от этого непонятного разброда-раздрыга.

- Думаю, не ошибусь, если скажу, что объединиться можно на основе уважения к прошлому. Многие нынешние беды, разобщенность в обществе возникли из-за попыток спекулировать на прошлом. Это недостойно любых потомков, потому что они не прожили ту жизнь. Считаю, что разобщение произошло на основе неоднозначного, преднамеренно искаженного толкования прошлого. В этом, к сожалению, переусердствовали средства массовой информации.

- В поисках жареного?

- В поисках жареных фактов, в попытках взять на себя роль первооткрывателей модных тем, в то время как перед исторической наукой стоит столько проблем, которые должны быть изучены основательно и не односторонне. Почему у нас в школах сегодня наиболее сложные проблемы с курсом отечественной истории?

- А он вообще-то есть?

- Есть, но не стал на него прочно, потому что в самой истории недостает эмпирики. Те факты, из которых раньше складывался курс истории, подобраны односторонне, не хватает другого ряда фактов. Они должны быть извлечены из архивохранилищ, изучены и истолкованы. Только после большой работы исследователей-историков можно делать взвешенные заключения о прошлом. Я думаю, что по-хозяйски относиться к своему прошлому - не только сложная, но и благородная задача, и огорчает, что распоряжается мы им не как следует.

- Каким из духовных потерь нашего недавнего прошлого кажется вам наиболее опасной?

- Мы совершенно напрасно пренебрегли идеей патриотизма и сделали слово "патриот" ругательным, добавив к нему разные непотреб-

ные эпитеты и цветные оттенки. В действительности, общая заинтересованность должна быть проявлена в том, чтобы добиться однозначного толкования этого понятия, исходя из позитивного смысла, заложенного в нем. Негатив в данном случае не почва для объединения.

Надо раскрыть, что такое патриот сегодня. С моей точки зрения, наши правители не должны чуждаться патриотизма и проявлять его в намерении консолидировать все силы общества, не становясь на точку какой-то одной партии или движения. Думаю, что патриотическое начало можно найти в абсолютном большинстве партий и движений. На этом нужно сегодня строить политику внутри страны. Между прочим, в последнее время молодежь, в особенности студенческая, высказывает сожаление по поводу того, что ее лишили возможности объединяться, не в комсомол или в октябрята, а вообще. Мне, как педагогу по профессии, две идеи представляются наиболее перспективными: уважение к прошлому и возрождение патриотизма в разных формах самыми разными средствами. И еще: всем нам попробовать не упускать то, что приобрели в 1995-м, когда нам снова довелось пережить состояние победителей.

В конце года в редакцию "КС" передали письмо из Германии на имя мэра Вологды. Вот оно.

"Глубокоуважаемый мэр города Вологды!

Я обращаюсь к вам с большой просьбой. Находятся ли в архиве вашего города данные или документы о французских солдатах армии Наполеона, которые между 1812 и 1817 годами находились как военнопленные в Вологде?

Разрешите мне рассказать, почему это меня интересует. В течение 10 лет я был в русском плену, из них 4 года, с июля 1944 до августа 1948, в лагере для военнопленных N 150 в Грязовце, под Вологдой. 130 лет до того времени, с 1812 до 1817-го мой прадед, отец моего отца с материнской стороны, также как военнопленный, был в Вологде, но с французской стороны.

Его звали Дирк Делвес (Dierk Dehlwes), родился он 9.05.1790 года в крестьянской усадьбе, принадлежащей до сих пор нашей семье в Вюрден (Wurden) под Бременом. По профессии он был фермер. После взятия в 1811 году Бремена и окрестностей был призван во французскую армию. Молодые солдаты получи-

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ.

Опыт философского диалога". Альманах с таким названием издан недавно в Москве немецким культурным центром имени Гете. В нем опубликована статья профессора Гюнтера Рормозера "К вопросу о будущем России". Вот некоторые фрагменты из нее:

"Россия должна соединить экономический либерализм с духовно-культурным консерватизмом. Альтернативой этому был бы фашизм. Не только Россия нуждается в Европе, но и Европа нуждается в России. Обновленная Россия должна принесть в будущее Европы самое себя, и богатство своей истории, и высокую одаренность, и интеллектуальный потенциал своего народа. Путь к этому лежит через Германию. Эта страна является местом, соединяющим обе части нашего континента. Существует много общего между русскими и немцами. Нет сомнения, что не только в политическом, но и в духовном, и в культурном отношении между русскими и немцами во многом есть

известное родство, которого нет между другими народами. Оно всякий раз выглядит загадочным. Существует множество всевозможных теорий, пытающихся его объяснить. Если суммировать эти теории, то они сводятся к такому тезису: русские и немцы, а возможно, и евреи, относятся к тем народам, которые можно назвать метафизическими народами. Обращает на себя внимание тот факт, что знаменитый вопрос о политическом и социальном положении некоторого сверхиндивидуального смысла в своей истории волнует оба наших народа в большей степени, чем другие народы".

Закljučая свой материал, автор резюмировал: "В условиях, когда логика процессов модернизации приобретает радикальный характер, а культура, сделавшая возможными и вызвавшая эти процессы, находится в состоянии глубокого, всеобъемлющего кризиса, многое будет зависеть от той духовной силы, с которой русские и немцы смогут философски осмыслить свой всесторонний, во многом сходный опыт".

ли униформу, флаг, оружие, музыкальные инструменты и должны были учить французский как язык приказов. Мой прадед попал в 6-ю французскую дивизию ар-

Полоцке. Он попал в русский плен под Бородино, на Березине, я попал в плен 29 июля 1944 года под местечком Базевичи, на реке Олза, недалеко от места ее впадения в Березину.

Мой прадед должен был пешком идти до Вологды, я 130 лет спустя попал туда на поезде. Он не был офицером, был простым солдатом. В 1817 году, вернувшись домой, перенял отцовскую усадьбу и дожил до 97 лет. Мне самому пошел 93-й год, и у меня, таким образом, есть еще 4 года довести до конца параллели наших судеб.

Теперь понимаете ли вы, глубокоуважаемый господин мэр, почему меня так интересует, известно ли в вашем городе о французских военнопленных 1812 года, среди которых было много немцев. Заранее благодарю вас за ваше усердие, с дружеским приветом Генрих Аренс, Бремен. На прилагаемой фотографии: слева - мой дед Беренд Делвис, а справа - мой прадед Дирк Делвес, снятый незадолго до его смерти".

Не правда ли, неплохой немецкий комментарий в части уважения к прошлому?

Наталия СЕРОВА.

мии маршала Оудинота (Oudinot), который по профессии был пекарем. А я попал 130 годами позже в 6-ю немецкую пехотную дивизию. Его первая битва была в 1812 году в Полоцке, и моя первая битва также была в